

Залевская Елена Викторовна, Залевская Ольга Сергеевна

**КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА Р. ПАТНЕМА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К
ФОРМИРУЮЩИМСЯ СТАНДАРТАМ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЛОНТЕРСКИХ ПРОЕКТОВ**

Проблема оценки эффективности волонтерских проектов обусловлена тем, что пока не существует четкого понимания специфики волонтерской деятельности, в том числе в высших учебных заведениях. В данной статье обосновывается использование концепции социального капитала для оценки эффективности применительно к студенческому волонтерскому движению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/16.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 71-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.354.4

Социологические науки

Проблема оценки эффективности волонтерских проектов обусловлена тем, что пока не существует четкого понимания специфики волонтерской деятельности, в том числе в высших учебных заведениях. В данной статье обосновывается использование концепции социального капитала для оценки эффективности применительно к студенческому волонтерскому движению.

Ключевые слова и фразы: волонтерская деятельность; социальный капитал; социальное доверие; неспецифическая взаимность; открытая и закрытая формы социального капитала.

Залевская Елена Викторовна**Залевская Ольга Сергеевна***Южный федеральный университет**ezalevska@yandex.ru; zalevska@rambler.ru***КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА Р. ПАТНЕМА
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФОРМИРУЮЩИМСЯ СТАНДАРТАМ
ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЛОНТЕРСКИХ ПРОЕКТОВ©**

На протяжении последних нескольких лет волонтерская деятельность и все проблемы, с ней связанные, находятся в центре внимания государства и специалистов по работе с молодежью. Одновременно формируются представления о целях и задачах работы с волонтерами, механизмы мотивации и поощрения участников, способы оценки эффективности такой работы.

Можно прогнозировать создание большого количества профессиональных образовательных программ по подготовке и переподготовке специалистов по работе с волонтерами. В свою очередь, создание таких программ требует методологической рефлексии, которая невозможна без осознания специфики волонтерской деятельности. Проблема оценки эффективности волонтерских, в том числе студенческих, проектов не в последнюю очередь связана с тем, что четкого понимания такой специфики пока нет ни на законодательном уровне, ни на уровне обыденного восприятия.

В настоящее время существуют отечественные методики оценки внешних коммуникаций волонтерской организации. Как правило, речь может идти о годовом отчете организации либо ее интернет-сайте [5; 10; 23].

Также можно выделить несколько направлений деятельности некоммерческих волонтерских организаций, для которых разработаны или разрабатываются собственные методики оценивания эффективности [8; 11; 16].

Однако большая часть стандартов и методик оценивания, как российских, так и зарубежных, использует неспецифические механизмы оценки, которые с равным успехом применимы для коммерческих, некоммерческих и государственных организаций.

Другие методики используются, чтобы оценить деятельность благотворительных и волонтерских организаций с упором на их «некоммерческую» природу. Характерным примером может служить индекс соотношения административных расходов и средств, направленных на «непосредственно благотворительные цели». В данном случае речь идет о методиках, которые используют наиболее известные в США компании, предоставляющие информационные услуги донорам и НКО [18-20].

Впрочем, российские эксперты [14, с. 10] утверждают, что «трактовка минимизации административных расходов как показателя эффективности в последнее время серьезно ставится под сомнение...».

В целом, и российские, и зарубежные эксперты, имеющие дело с оценкой эффективности некоммерческой волонтерской деятельности, в том числе студенческих волонтерских проектов, сталкиваются с определенными, в достаточной мере типичными, проблемами.

Традиционно эффективность волонтерской деятельности оценивают в соответствии со следующими критериями:

- результат для благополучателя;
- влияние, которое участие в волонтерском проекте оказывает на самого волонтера. Здесь принято упоминать о формировании морально-нравственного облика волонтера через интериоризацию тех или иных ценностей, о создании определенного ценностного ряда («воспитательный» эффект), либо о формировании определенных компетенций (работа в команде, принятие решений и т.д.);
- социальный эффект, т.е. то, в какой степени действия волонтеров изменяют общество.

Здесь можно сослаться на статью Е. Г. Тархановой [13], которая выделяет специфические и неспецифические проблемы оценки эффективности, делает вывод о возможности использования различных методик, указывает на сложности, с которыми сталкивается эксперт при измерении социального эффекта, например:

- 1) социальный эффект «зачастую не поддается измерению»;
- 2) «имеет как непосредственный, так и опосредованный характер», т.е. может проявляться не сразу и в различных сферах жизни общества;

3) представляет собой результат воздействия одновременно нескольких факторов, «разграничить влияние которых не представляется возможным»;

4) «сопоставление эффекта и затрат не всегда в полной мере отражает социальную эффективность» [Цит. по: Там же, с. 109].

Все вышесказанное также может быть отнесено к «воспитательному эффекту». В то же время, мы не можем ограничить наше представление об эффективности волонтерской деятельности формированием компетенций и освоением нового социального пространства. Выходя же за пределы узкого понимания, мы оказываемся вовсе лишены какой-либо методологической опоры.

Для того чтобы иметь возможность описать весь процесс, от начала (институционализация волонтерской деятельности в современной России, история становления отдельно взятой волонтерской организации или запуск конкретного волонтерского проекта) и до конца (что предполагает описание результата и оценку эффективности волонтерского проекта), нужны особые инструменты. И в своем выборе мы руководствуемся представлениями о том, как та или иная концепция поможет нам полнее выявить специфику волонтерской деятельности и, соответственно, работы с волонтерами в общественных и благотворительных организациях, определив предмет, особенности, цели, задачи и результаты этой работы. В качестве одного из таких инструментов может выступать концепция социального капитала.

Согласно П. Бурдьё, концепция социального капитала помогает включить в экономические модели нематериальные активы, которыми мы располагаем как члены группы, обращая их в деньги или иные материальные блага [2].

Роберт Патнем в своей работе [21] ссылается на результаты исследователей, которые изучали социальный капитал, образующийся внутри групп, объединяющих людей по профессиональной, этнической, религиозной принадлежности, на основе спортивных или общественных интересов или хобби и пр. При этом уровень вовлеченности участников различных групп колеблется от минимального (формальное членство, *card-carrying membership*) до достаточно высокого, что может быть измерено через степень участия в делах сообщества, города, школы: работа в качестве выборного должностного лица, посещение встреч и собраний, время, которое Вы тратите на работу в общественных организациях, а также другие формы гражданской активности, например, голосование, участие в заседаниях суда присяжных, благотворительных акциях и т.д. Волонтерская деятельность занимает важное место в этом ряду.

Одним из результатов волонтерской деятельности является рост социального капитала, понимаемого как совокупность ресурсов, к которым каждый из участников имеет доступ в силу своей принадлежности ко вновь складывающемуся сообществу. Соответственно, мы можем измерять социальный капитал с точки зрения результатов социального взаимодействия, т.е. навыков работы в группе, коммуникации, опыта участия в решении значимых социальных проблем, а также количества возникающих дружеских, деловых и профессиональных контактов, поддержки, которую участники группы получают от других, и т.д.

Однако, парадоксальным образом, чем большую ценность для общества в целом имеет личный вклад каждого участника процесса, тем ниже вероятность того, что его активность будет вознаграждена на основе принципа эквивалентности (во всяком случае, в ближайшей перспективе). При этом, увеличивая количество социальных связей и разделяемых ценностей, связанных с помощью ближнему, благотворительностью, добровольчеством, общественным благом, мы создаем предпосылки для проявления неспецифической взаимности: «сейчас я помогу тебе, не ожидая немедленно получить что-то взамен, и, может быть, даже не зная тебя лично, в уверенности, что когда-нибудь – ты или кто-то еще – окажут услугу и мне» (*пер. О. С. Залевской – прим. авторов*) [Ibidem, p. 126], которая, в свою очередь, обеспечивает необходимый уровень доверия, и, в совокупности, то и другое обуславливают существование социального капитала в той форме, которая позволяет каждому члену сообщества получить от этого выгоду, вне зависимости от того, насколько сам он вовлечен в деятельность какой-либо замкнутой группы. Так, являясь частью общества, пронизанного развитыми социальными связями, даже человек, который не обладает сетью таких связей, может извлечь для себя определенные выгоды: «Если криминальная обстановка в районе, где я живу, достаточно благополучная за счет того, что соседи приглядывают за домами друг друга, я выигрываю от этого, даже если лично я провожу большую часть времени в разъездах и едва здороваюсь с соседями на улице» (*пер. О. С. Залевской – прим. авторов*) [Ibidem, p. 17].

Также Р. Патнем в своей работе указывает на принципиальное различие между двумя типами социального капитала, *bonding* и *bridging*. Для первого типа характерны сильные связи, в то время как второй тип соотносится со слабыми связями. Помимо этого можно сказать, что в первом случае мы говорим о связях внутри гомогенной социальной группы, в то время как во втором случае речь идет о связях между членами различных социальных групп. Социальный капитал второго типа помогает людям преодолевать границы между социальными группами. Л. И. Полищук, Р. Ш. Меняшев определяют эти два типа как открытую и закрытую формы социального капитала: «...Первый отражает доверие и склонность к сотрудничеству в общих интересах не только с близкими, но и с малознакомыми людьми. Такие качества создают предпосылки для формирования широких общественных коалиций. Мы называем этот фактор открытым социальным капиталом. Второй фактор – социальный капитал в закрытой форме – ограничивает взаимопомощь и ответственность узким кругом родства и тесного общения. Он мобилизуется в интересах тех или иных групп» [6].

Однако если благополучателями выступают все члены сообщества, то формируется социальный капитал за счет вклада той части населения, которая наиболее активно участвует в создании социальных связей. Показатели, которые использует Р. Патнем для того, чтобы измерить средний уровень социального капитала

в каждом отдельном штате США, по большей части оценивают именно его. Эти четырнадцать взаимно коррелирующих показателей описывают формальные и неформальные социальные связи и уровень социального доверия и, по мысли автора, позволяют оценить различные, но связанные грани социального капитала. Они суммируются в таблице компонентов социального капитала, напротив каждого из которых Р. Патнем указывает, в какой мере этот показатель по отдельности коррелирует с индексом социального капитала.

В совокупности они описывают множество видов активности, как то: гражданская активность, неформальное помогающее поведение, волонтерство в пользу формальных организаций, участие в проектах местных сообществ, взносы в пользу благотворительных организаций, а также сбор пожертвований, донорство крови, участие (от формального членства до руководства, включая посещение собраний, волонтерство и т.д.) в работе общественных благотворительных организаций, ветеранских обществ, групп самопомощи, фермерских организаций, политических клубов, организаций диаспор, участие в политической деятельности и пр.

Эти показатели разбиты на пять групп, которые оценивают уровень доверия в обществе, общественной активности, заинтересованности в государственной и муниципальной политике, волонтерской активности, а также неформальной социальной активности.

Иными словами, сюда вошли не только привычные нам виды и формы волонтерской активности, как то: волонтерство в пользу религиозных организаций и национальных общин, образовательных, молодежных организаций, социально-ориентированных некоммерческих организаций и фондов местных сообществ, экологических и правозащитных организаций, помощь населению в чрезвычайных ситуациях, неквалифицированный труд (уборка, ремонт, помощь по хозяйству, покупки, оплата счетов), транспортные услуги, сбор и перераспределение пожертвований, организация и проведение спортивных и образовательных мероприятий, ярмарок, концертов, фестивалей, услуги *pro bono* (использование волонтером профессионального опыта, знаний, навыков и умений на благо общества), участие в местном самоуправлении, но и такие формы активности как участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству среды проживания, в собраниях жильцов дома или подъезда, ремонт подъезда силами жильцов, дежурство по дому, которые И. В. Мерсиянова также относит к практикам индивидуальной филантропии [7], устройство вечеринок и походы в гости и т.д. Все эти виды деятельности, наряду с волонтерством и благотворительностью, в разной степени способствуют формированию социального капитала.

Сделав первый шаг и признавая формирование социального капитала ценным и специфическим результатом волонтерской деятельности, мы можем пойти дальше и дополнить имеющийся набор показателей эффективности волонтерских проектов теми, которые позволят оценить прирост социального капитала в результате нашей деятельности.

При этом мы вряд ли можем использовать те же показатели, что использовал Р. Патнем при составлении своего индекса, оценивая эффективность каждого отдельно взятого волонтерского проекта, не только в силу разницы в масштабах, но и потому, что в нашем случае недостаточно обосновать релевантность выбранного критерия – нам предстоит выбрать из множества те, которые наиболее полно описывали бы перемены, происходящие с непосредственными участниками проекта, а также учитывали специфику работы с молодежью, в частности, со студентами, и имели практическое применение.

Не ставя перед собой задачи характеризовать состояние всего общества [6; 21] или целого региона [12], мы располагаем большей свободой. В данном случае, масштабы исследования, которое ограничено одним вузом или одной волонтерской организацией, позволяют нам привлекать данные, полученные социологами и психологами, превращая исследование в междисциплинарное. Также это позволяет нам обратить особое внимание на те аспекты, которые представляют особый для нас интерес, а именно на связь социального капитала с волонтерской активностью, показателями академической успешности и самочувствием студентов-волонтеров.

В частности, составляя план собственного исследования, мы опирались на утверждение Р. Патнема о том, что показатели индекса социального капитала в большей степени коррелируют с показателями академической успеваемости и количеством студентов, продолжающих обучение, и даже с учетом таких факторов как расовый состав и состав семьи, уровень доходов и образования родителей, экономическое неравенство, затраты на образование, зарплаты учителей, размер учебных групп, конфессиональная принадлежность, тип учебного заведения, социальный капитал остается единственным наиболее важным объясняющим фактором. Иными словами, Р. Патнем утверждает, что «раса, достаток и уровень образования родителей влияют на результаты тестов, но не напрямую, а опосредованно, оказывая влияние на уровень социального капитала, и уже тот, в свою очередь, – но не уровень доходов и не демографические характеристики сами по себе – определяет результаты тестов» (*пер. О. С. Залевской – прим. авторов*) [21, р. 288].

Также мы опирались на результаты исследований, которые подтверждают корреляцию между уровнем доверия, как одним из структурных компонентов социального капитала, и качеством жизни [1; 22]. Японские исследователи *Y. Tokuda, M. Jimba, H. Yanai, S. Fujii, T. Inoguchi* выявили определенные закономерности между результатами опроса по оценке качества жизни (WHOQOL), который разработан при участии Всемирной организации здравоохранения в 1991 году, и охватывает четыре сферы, в том числе физическое и психологическое здоровье [4], и уровнем межличностного и социального доверия. Результаты показывают, что существует корреляция между субъективным чувством удовлетворенности качеством жизни и уровнем социального доверия [22].

И, напротив, можно утверждать, что низкий уровень социального доверия, которое, согласно Р. Патнему, является важной частью социального капитала, до некоторой степени обуславливает повышенный уровень тревожности. Повышенная тревожность, в свою очередь, наряду с другими факторами, влияет на психосоматизацию

и когнитивную деятельность учащихся и, соответственно, может отражаться на общем самочувствии студентов и на показателях академической успеваемости.

Итак, мы задаемся вопросом: возможно ли на уровне университета выявить связь между волонтерской активностью студентов, уровнем социального капитала, межличностного и социального доверия, уровнем тревожности, самооценкой состояния здоровья и показателями академической успешности, включая успеваемость и отсеив учащихся?

Для того чтобы получить как можно более полную, детальную картину, мы дополнили опросник, основанный на показателях, которые использует Р. Патнем, другими, включая социометрические тесты, анкету для оценки самочувствия (субъективной оценки здоровья), разработанную В. П. Войтенко [3], и методику диагностики самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина [9].

В настоящее время проходит пилотное исследование с участием студентов первого курса Южного федерального университета. В период с 2015 по 2019 гг. мы планируем проведение панельного исследования для того, чтобы выяснить, как соотносятся волонтерская активность студентов с уровнем социального и межличностного доверия и уровнем тревожности, а также с их академическими успехами и показателями социометрии (когнитивная и коммуникационная активность учащихся).

Мы надеемся, что в ходе исследования найдут подтверждение наши предположения о том, что между волонтерской активностью, уровнем доверия, и успеваемостью студентов существует положительная корреляция. Это, в свою очередь, поможет нам выработать новые критерии для оценки эффективности работы с волонтерами и волонтерской деятельности учащихся.

Список литературы

1. **Бокарева М. А.** Социальный капитал как фактор субъективного благополучия // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (57). С. 70-74.
2. **Бурдьё П.** Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
3. **Войтенко В. П., Токарь А. В., Полюхов А. М.** Методика определения биологического возраста человека // Биологический возраст, наследственность и старение. Ежегодник "Геронтология и гериатрия" / под ред. Д. Ф. Чеботарева. Киев, 1984. С. 133-137.
4. **Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни** [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/substance_abuse/research_tools/en/russian_whoqol.pdf?ua=1 (дата обращения: 08.10.2014).
5. **Павлов И. Ю., Голубева Е. Г., Голубев В. О., Пестова А. О., Толстенева Т. А.** Методика мониторинга сайтов некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/191/18866.php> (дата обращения: 30.11.2014).
6. **Полищук Л., Меняшев Р.** Миф о социальном капитале России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii> (дата обращения: 08.10.2014).
7. **Потенциал и пути развития филантропии в России** / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та «Высшей школы экономики», 2010. 429 с.
8. **Проект «Методика оценки эффективности НКО, работающих в области профилактики потребления ПАВ и реабилитации лиц, страдающих химической зависимостью»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrspasenie.org/gecomendacii.doc> (дата обращения: 08.10.2014).
9. **Райгородский Д. Я.** Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. 672 с.
10. **Рекомендации по проведению экспертной оценки публичного годового отчета НКО в 2013 году** [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-nko.ru/files/Document/266/Files/1/metodika_ocenki_otcheta_nko-2013.docx (дата обращения: 08.10.2014).
11. **Стандарт антинаркотической некоммерческой организации. СТО 91.33-1036605621656-2009** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrspasenie.org/standart.pdf> (дата обращения: 08.10.2014).
12. **Сысоев С. А.** К проблеме измерения социального капитала // Теоретическая экономика. 2012. № 2. С. 51-66.
13. **Тарханова Е. Г.** Эффективность деятельности некоммерческих организаций: особенности и концепции оценки // Известия ИГЭА. 2012. № 2 (82). С. 108-110.
14. **Тихонович Л., Сучилин А.** Как оценить эффективность религиозной благотворительности? // Деньги и благотворительность. 2010. № 73. С. 8-11.
15. **Фомичева О. Б.** Гражданские ценности образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9. Ч. 2. С. 183-186.
16. **Хазиев Д.** Неоценимая эффективность [Электронный ресурс]. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2013/04/03/10114/> (дата обращения: 08.10.2014).
17. **Яишников А. Ю.** Анализ рисков в процессе социализации студенчества вузов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. С. 194-199.
18. **Charity Navigator** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charitynavigator.org> (дата обращения: 08.10.2014).
19. **GuideStar** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guidestar.org> (дата обращения: 08.10.2014).
20. **Intelligent Philanthropy** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelligentphilanthropy.com/> (дата обращения: 08.10.2014).
21. **Putnam R. D.** Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
22. **Tokuda Y., Jimba M., Yanai H., Fujii S., Inoguchi T.** Interpersonal Trust and Quality-of-Life: A Cross-Sectional Study in Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0003985> (дата обращения: 08.10.2014).
23. **2008 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enl.ee/UserFiles/kasulikku/NGOsustainabilityindex.pdf> (дата обращения: 03.12.2014).

CONCEPTION OF SOCIAL CAPITAL BY R. PUTNAM IN RELATION
TO FORMING STANDARDS FOR ASSESSING EFFICIENCY OF VOLUNTEER PROJECTS

Zalevskaya Elena Viktorovna
Zalevskaya Ol'ga Sergeevna
Southern Federal University
ezalevska@yandex.ru; zalevska@rambler.ru

The problem of assessing the efficiency of volunteer projects is conditioned by the fact that the clear understanding of the specifics of voluntary activity does not exist yet including in higher education establishments. The article argues for the use of the conception of social capital for assessing the efficiency of volunteer projects in relation to student volunteer movement.

Key words and phrases: voluntary activity; social capital; social confidence; non-specific mutuality; open and closed forms of social capital.

УДК 392:294.321:291:26

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние религиозных верований на формирование гендерных отношений в культуре бурят: раскрывается сакральная значимость мужчины и женщины, обуславливается роль патриархальных запретов, буддийских и христианских традиций в жизни семейного и родственного коллектива. Автором отмечается, что шаманские обычаи, буддизм и христианство во многом определили характер и мировоззрение народа, способствовали взаимообогащающему опыту общения представителей разных культур, корректировали межполовые отношения.

Ключевые слова и фразы: гендерные отношения; сакральность; буддизм; ламаизм; шаманизм; христианство.

Замураева Полина Баировна

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ
polina12309@inbox.ru

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ БУРЯТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ©**

В период всемирной глобализации значительно возрос интерес современной науки к историческому прошлому, культурному наследию разных этнических групп и народов. Происходят переоценка нравственных ориентиров, восстановление исторической и культурной памяти. Обращается внимание на исследование традиций поведения мужчин и женщин в прошлом.

Представлениям о мужественности и женственности и присущих им свойствах в культуре бурят второй половины XVIII – начала XIX в. отводилось существенное пространство, которое охватывало систему религиозных верований, определяющих отношения внутри семьи и в обществе. Поведение мужчин и женщин строго регламентировалось и стереотипизировалось в коллективном сознании, принимая форму правильного или неправильного.

Данная статья посвящена рассмотрению влияния религиозных верований на формирование гендерных отношений бурят второй половины XVIII – начала XIX в., таких как шаманизм, буддизм, православное христианство.

Вторая половина XVIII – начало XIX в. – исторический период, который стал важным и поворотным в судьбе бурятского народа. Это время характеризовалось процессами переселения крестьян с запада России в Сибирь, усиления влияния культуры русского народа, христианизации (посредством реализации политики российского государства), изменения типа хозяйствования, характера общественных отношений. Со времени вхождения в состав Российского государства начался новый этап исторического и культурного развития Бурятии. С изменением географических, культурных и социально-экономических условий буряты стали подразделяться на две общности: восточных бурят и западных.

Западные буряты в большей степени подверглись влиянию русской культуры и христианизации и перешли на скотоводческо-земледельческий тип хозяйствования. Восточные буряты приняли буддизм и сохранили свой кочевой образ жизни. При этом традиционной религией бурят был и оставался шаманизм. Шаманские верования народа оказывали существенное влияние на гендерные отношения бурят, согласно которым мужчина и женщина обладали определенной сакральностью: мужская сакральность являлась положительной, женская – отрицательной. Отрицательной сакральностью обладала женщина репродуктивного возраста. Девочки, не достигшие физиологической зрелости, и пожилые женщины считались ритуально «чистыми» [1, ед. хр. 1144, л. 91-116].